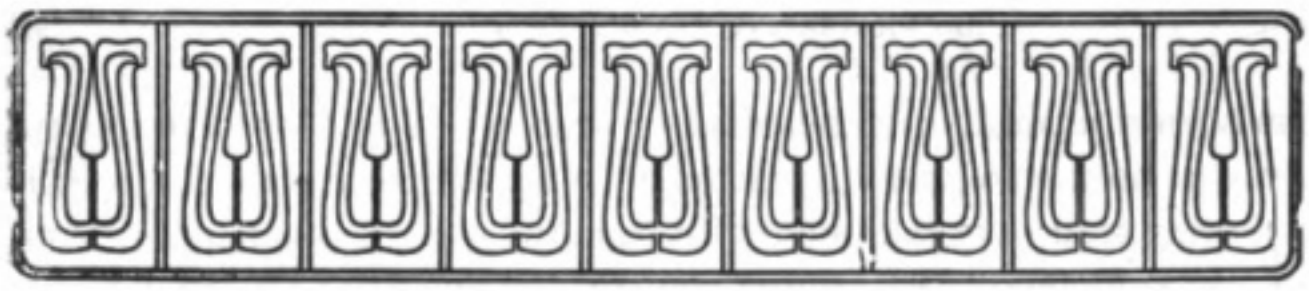

На пути въ Святую землю.

По наблюденіямъ и замѣткамъ епископа Порфирія Успенскаго.

III[1]).

Въ Константинополѣ.

Наступилъ наконецъ для архимандрита Порфирія и день его отъѣзда на Востокъ, чего онъ такъ долго ждалъ и къ чему неудержимо стремился. Очень продолжительная и крайне напряженная жизнь въ Петербургѣ предъ полученіемъ этого новаго назначенія; тяжелый гнетъ нѣсколько неопредѣленнаго положенія, въ какомъ онъ такъ долго тогда находился; живыя ожиданія новаго и неизвѣстнаго, уносившія его мысли и чувства къ широкимъ задачамъ и цѣлямъ предстоящаго ему теперь пути—все это такъ отразилось на общемъ настроеніи архимандрита Порфирія въ первые дни и мѣсяцы его поѣздки на Востокъ, что теперь онъ не находилъ уже у себя ни времени, ни силъ для веденія своихъ путевыхъ замѣтокъ. Душа его нуждалась теперь въ полномъ отъ всего покоѣ. Мысли его какъ будто скользили лишь теперь по разнообразнымъ предметамъ его наблюденія и ни на чемъ не могли надолго остановиться. И вотъ, благодаря этому, довольно значительный въ теченіе 17 дней переѣздъ его отъ Петербурга до Одессы, четырехмѣсячное пребываніе въ этомъ пограничномъ городѣ для послѣднихъ уже подготовленій къ предстоящему ему пути, а также и чрезвычайно интересовавшій архимандрита Порфирія морской переѣздъ отъ Одессы до Константинополя остались почти совсѣмъ не затронутыми въ „Книгѣ

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1915 г.

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

бытія его". На все описаніе этого пути употреблено было имъ только 4—5 страницъ и то не особенно богатыхъ содержаніемъ. Видно, что въ это время онъ спокойно уже отдыхалъ отъ разныхъ петербургскихъ тревогъ и отъ своей общей за послѣднее время усталости.

За то какъ оживилось его общее настроеніе на живописныхъ берегахъ Босфора, на граціозно-изящныхъ возвышенностяхъ Константинополя, на мягкой въ ясные дни лазури Мраморнаго моря. Особенно чарующее впечатлѣніе производили на него теперь дивные берега Босфора и тотъ общій видъ, какой открывался отсюда на всѣ высоты Константинополя, на его дворцы, мечети, на роскошные султанскіе сады, на безпокойно скользящія повсюду морскія и рѣчныя суда, напоминающія собой цѣлые подвижные дома, палаты. Въ чисто художественномъ отношеніи очень много хорошихъ и свѣтлыхъ часовъ пережито было архимандритомъ Порфиріемъ еще на живописныхъ берегахъ Далмаціи, поразившихъ его въ іюнѣ 1842 года своимъ общимъ величіемъ и своей красотою. Но теперь, на прекрасныхъ берегахъ Босфора, у панорамы необъятно раскинувшагося по склонамъ горъ живописнаго города, онъ еще глубже проникся окружающей его красотой и открылъ въ ней какъ будто совершенно другіе уже цвѣта и краски. Соотвѣтственно съ самымъ характеромъ этой мѣстности, несомнѣнно, болѣе задумчиво граціозной, чѣмъ величественной, измѣнился нѣсколько и самый стиль его письма: онъ сдѣлался теперь какъ будто еще болѣе мягкимъ, воздушно легкимъ, выразительнымъ, отражающимъ на себѣ нѣжные краски и цвѣта той дивной природы, которая сдѣлалась теперь для архимандрита Порфирія живымъ предметомъ его непосредственнаго наблюденія, его восторга. Подъ вліяніемъ впечатлѣній слишкомъ разнообразныхъ и живыхъ онъ, казалось, какъ будто не отдавалъ себѣ въ это время даже и отчета въ томъ, на чемъ ему прежде всего нужно было теперь остановиться: на чудныхъ ли и ласкающихъ краскахъ пролива; на роскошной ли зелени его чарующихъ береговъ; на разбросанныхъ ли здѣсь повсюду дворцахъ, кіоскахъ, памятникахъ, живописныхъ иглахъ минаретовъ; на чудесной ли панорамѣ самого города, гдѣ такъ причудливо встрѣтились и переплелись между собой роскошный Востокъ и болѣе спокойный и сдержанный во всемъ Западъ; на зеркальной ли, наконецъ, лазури Мраморнаго моря, въ которомъ въ свѣтлые и ясные дни такъ живописно переливается всѣми своими красками и цвѣтами нѣжная синева южнаго неба. Это

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

глубокое очарованіе, какому подпалъ теперь нашъ ученый изслѣдователь, невольно чувствуется во всѣхъ зарисованныхъ имъ картинахъ этого чуднаго города и той ласкающей красоты, какая его окружаетъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ прелестныхъ картинъ, взятыхъ нами изъ „Книги его бытія" большею частью слово въ слово, безъ всякаго измѣненія.

„22 сентября 1843 года въ 9½ часовъ мы были въ Константинополѣ.

„Босфоръ очарователенъ. Мѣстоположеніе Царь-Града дивно.

„Весь этотъ день, 22 сентября, и ночь я рѣшился провести на пароходѣ, чтобы вполнѣ насладиться прекраснымъ видомъ города. Подлинно, это Царь-Городъ. Гористое мѣстоположеніе его придаетъ ему величіе по истинѣ царственное. Не удивляюсь, что Константинъ Великій избралъ и назначилъ древнюю Византію средоточіемъ древняго римскаго міра. Не удивляюсь, что османы, по взятіи Константинополя, возмечтали быть повелителями вселенной. Съ холмовъ этого города можно повелѣвать и Европою, и Азіей, и Африкой. Эти холмы застроены безчисленнымъ множествомъ зданій легкихъ, тяжелыхъ, малыхъ, огромныхъ, красивыхъ и безобразныхъ.

„Безчисленное множество минаретовъ и круглые куполы мечетей придаютъ сему городу особенный видъ, какого нельзя встрѣтить нигдѣ въ Европѣ. Въ заливѣ подъ названіемъ „Золотого Рога" виденъ непроходимый лѣсъ мачтъ. Взоръ запутывается, теряется между большими и малыми судами, повитыми вдали тонкою мглою.

„Въ половинѣ 7 часа начали зажигать масло въ стаканахъ на всѣхъ минаретахъ. Ночь мало-по-малу облегала городъ своимъ чернымъ покровомъ. Во мракѣ ночи скрылись изъ вида всѣ дома, мечети и минареты; казалось, только въ воздухѣ висѣли безчисленные огненные круглые вѣнки, какъ бы спущенные съ неба пророкомъ въ награду правовѣрнымъ за ихъ стойкость въ вѣрѣ. Въ 8 часовъ, при лунномъ сіяніи, мерцавшемъ сквозь дымчатыя облака, тихая ночь была очаровательна. Взоръ мой блуждалъ по холмамъ Царь-Града, озареннымъ огненными вѣнками, и встрѣчалъ прелестное освѣщеніе, особливо на двухъ мечетяхъ — Солимана и Топханы; на первой виднѣлись огненные шифры или какія-либо слова изъ Корана, на второй между двумя минаретами блистала огненная звѣзда. „Долго, долго я любовался этимъ совершенно новымъ для меня зрѣлищемъ. Душа размышляла о сильномъ вліяніи религіи, какова бы она ни была, на извѣстный народъ...

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

„Утро было прелестное. Послѣ ночнаго дождя поднебіе было необыкновенно ясно, тонко, прозрачно. Лазурь неба была такъ пріятна, что глаза такъ и льнули къ ней.

„Вечеромъ заходящее солнце разрумянило и озолотило Скутари. Горы, казалось, облиты были очаровательнымъ розовымъ цвѣтомъ; зелень казалась ярче; въ окнахъ домовъ блистало золото.

„Слѣдующая ночь была также тиха. Луна катилась величаво по безоблачному голубому небу и, казалось, любовалась городомъ правовѣрныхъ, избравшихъ ее и символомъ своего вѣрованія. Спящія воды Босфора порой пробуждаемы были легкимъ движеніемъ каиковъ. Въ этихъ водахъ у береговъ ясно отражались огни съ минаретовъ и лучи ночного свѣтила. Прелестная ночь! Величественное молчаніе ея лишь изрѣдка нарушаемо было криками муэдзиновъ.

Когда же миновала, наконецъ, и эта очаровательная ночь, съ наступленіемъ утра нельзя было снова не залюбоваться роскошнымъ видомъ на Скутари и на его живописныя окрестности.

„Утренній бѣловатый туманъ, какъ дымъ, разстилался и поднимался на азіатской сторонѣ Босфора; казалось, противоположные холмы курились, какъ дымящіяся кадила. Воды Босфора какъ будто еще спали тонкимъ утреннимъ сномъ, и туманъ отдѣлялся отъ нихъ, какъ легкое кисейное покрывало, свертываясь, густѣя и взвиваясь складками къ небесамъ. Птицы-рыболовки вереницами неслись надъ самою водою въ разныхъ направленіяхъ. Я съ восхищеніемъ любовался очаровательными видами береговъ пролива... Древняя крѣпость Румеліи, Гиссаръ, въ которой истреблено было нѣсколько тысячъ янычаръ, заставила меня засмотрѣться на себя. Побѣленная, какъ бы одѣтая въ саванъ, казалось, она спускалась съ высокаго холма и хотѣла уйти на другую сторону, вслѣдъ за тѣнями янычаръ. Гробовое молчаніе царствовало въ этомъ живописномъ мѣстѣ: ни людей, ни животныхъ, ни тѣней, ничего не замѣтилъ я тутъ. На кладбищѣ, осѣненномъ вѣчно зелеными кипарисами, полными жизни, виднѣлось безчисленное множество надгробныхъ турецкихъ памятниковъ, не увѣнчанныхъ чалмами. Покойный султанъ приказалъ срубить ихъ, дабы и на самыхъ кладбищахъ истребить память янычаръ. Безумная ярость“! Т. I, стр. 159 и 160.

Очень вдохновенно описываетъ архимандритъ Порфирій и свою поѣздку на островъ Халки, принадлежащій къ группѣ

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

Принцевыхъ островов, лежащихъ вблизи Константинополя, у входа въ Мраморное море. Когда изъ Куру-Чесме онъ направился къ Принцевымъ островамъ, день былъ теплый и ясный. Море немного колыхалось. Зыблясь на синихъ волнахъ его, я смотрѣлъ внимательно на Сераль, на св. Софію, на Царь-Градъ. „Этотъ городъ, думалъ я, нѣсколько разъ принималъ участіе въ борьбѣ людской за разныя религіозныя идеи. Отсюда выходили воины для битвы съ эллинами на поляхъ Троянскихъ, дабы мечемъ рѣшить вопросъ: быть или не быть Сатурновой религіи, уступить или не уступить эллинскому многобожію? Здѣсь длились споры, кипѣли страсти, лилась кровь аріанъ, македоніанъ, иконоборцевъ и православныхъ. Здѣсь, въ этой св. Софіи, варвары паписты, закованные въ желѣзо и сталь, на время утверждали каѳедру папы и ругались надъ греками. Здѣсь воцарилось лжеученіе аравійскаго пророка и полумѣсяцъ смѣнилъ крестъ на храмахъ, обращенныхъ въ мечети. Что еще будетъ въ этомъ городѣ? Не знаю, пророчественный ли инстинктъ или гордость говорятъ мнѣ, что Царь-Градъ рано или поздно будетъ завоеванъ русскими и останется въ ихъ власти“.

Высадившись на островъ Халки, пишетъ онъ далѣе, „съ трудомъ взобрались мы на гору у его пристани и остановились въ недалекомъ разстояніи отъ воротъ училищнаго монастыря, для кратковременнаго отдыха, подъ огромнымъ развѣсистымъ кленомъ. Чистый тонкій горный воздухъ, напитанный смолистыми испареніями здѣшнихъ сосенъ, впивалъ я въ себя съ жадностью. Грудь моя вздымалась высоко; я чувствовалъ въ самой основѣ моей жизни тихій приливъ новыхъ силъ и пріятное трепетаніе, нѣсколько похожее на сладкую потяготу послѣ спокойнаго и глубокаго сна. Я продолжалъ это наслажденіе, несмотря на безпрестанный зовъ о. Григорія [1]): „пойдемъ, насъ ожидаютъ“. Душа моя была спокойна; ее безотчетно тѣшили очаровательные виды Царь-Града, Азіи и успокоеннаго моря между островами. Я былъ счастливъ въ эти минуты и теперь запишу для памяти, что счастье состоитъ иногда въ забытьи и въ безотчетномъ созерцаніи природы... „Насъ ждутъ, просятъ, приглашаютъ, кричалъ мнѣ мой спутникъ... Иду, отвѣчалъ я и съ недовольствомъ вступилъ въ ограду монастыря.

На обратномъ отсюда пути къ Константинополю, пишетъ

---

[1]) Спутника его по Константинополю и Востоку.

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

архимандритъ Порфирій далѣе, „когда мы втянулись въ середину залива, сильнѣйшій порывистый вѣтеръ дулъ съ сѣверныхъ береговъ Азіи и страшно волновалъ море... Рулевой направлялъ бѣгъ прямо противъ вѣтра, и каикъ, вздымаясь и опускаясь, разсѣкалъ сердитыя волны и едва-едва подвигался впередъ. Минулъ часъ, минули два, мы почти ни съ мѣста; каикчіи начали выбиваться изъ силъ, опускали весла, и брызги волнъ орошали насъ. Наконецъ, каикчіи совершенно выбились изъ силъ, бросили весла и стали упрашивать кормчаго поставить боковой парусъ... Какъ на бѣду, парусъ не былъ приготовленъ, какъ слѣдуетъ: вѣтромъ то развертывало, то свертывало его; волны били въ бокъ и окачивали насъ брызгами; рулевой поставилъ каикъ между волнами; парусъ натянуло; каикъ склонился на бокъ, а парусъ еще не былъ укрѣпленъ; его едва держали въ рукахъ лодочники. Это была самая страшная минута; мы были на волосокъ отъ смерти; я оцѣпенѣлъ отъ холода и страха. Я молился, ужасался, и опять молился, и опять робѣлъ. Парусъ былъ утвержденъ; каикъ быстро понесся бокомъ; всѣ мы на корточкахъ присѣли у другого бока на днѣ каика. Лишь только отлегло было у меня на сердцѣ, какъ вдругъ одинъ изъ лодочниковъ, стоявшій около паруса, закричалъ: tramontana, tramontana! Сердце мое обливалось кровью; я догадался, что мы попадаемъ подъ самый опасный вѣтеръ, вырывающійся изъ ущелій возвышенныхъ береговъ Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ ужасный вѣтеръ набѣгалъ на насъ и порывомъ своимъ почти опрокидывалъ лодку, потомъ онъ скрывался и опять ужасалъ насъ. Признаюсь, эти минуты были еще страшнѣе. Чѣмъ неожиданнѣе порывъ вѣтра, тѣмъ сильнѣе испугъ. Такимъ образомъ, между страхомъ и надеждою мы плыли довольно долго, пока стали подъ вѣтромъ у самыхъ береговъ. Парусъ былъ опущенъ, и на веслахъ мы приплыли въ Карталими—турецкую деревню".

Скоро послѣ этого архимандриту Порфирію пришлось проѣзжать чрезъ знаменитое въ Турціи Скутарійское кладбище, и вотъ что сообщаетъ о немъ въ своемъ дневникѣ нашъ ученый изслѣдователь.

„Солнце стало скрываться за холмами Новаго Рима. Вечерѣло; мы въѣхали въ Скутарійское кладбище, славное своимъ мѣстоположеніемъ и кипарисными рощами. И подлинно, едва-ли есть гдѣ на свѣтѣ подобное кладбище. Я видѣлъ въ Крыму, около Чуфутъ-Кале, Іосафову долину тамошнихъ караимовъ и любовался ею. Но эта долина ничто въ сравненіи съ Скутарій-

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

скимъ кладбищемъ. Прекрасное поле смерти и покоя. По обѣимъ сторонамъ весьма широкой дороги высятся и густятся прекраснѣйшіе кипарисы. Эти вѣчно зеленые кипарисы суть выразительныя эмблемы безсмертія и жизни вѣчной. Замѣтилъ я около нѣкоторыхъ могилъ по два почти сросшіеся кипариса; какъ живо напоминали они, что въ могилахъ покоятся два сердца, любившія другъ друга. Оба придорожья усѣяны были надгробными памятниками. Сколько счастливцевъ, сколько несчастныхъ, богатыхъ и бѣдняковъ, мужей и женъ, дѣтей и старцевъ покоятся на этомъ полѣ! И всѣ они ожидали воскресенія и жизни вѣчной"...

„На кладбищахъ турецкихъ бываютъ и гулянья; здѣсь же въ области смерти любовь назначаетъ свиданія любви. Казалось бы, при видѣ гробовъ надлежало плакать о суетѣ жизни и каяться; но такова сила чувственности, освященной закономъ лжепророка, что и поле смерти обращается турками въ мѣсто сладострастія".

Не менѣе интересны въ путевомъ дневникѣ архимандрита Порфирія и всѣ тѣ страницы, въ которыхъ онъ описываетъ свое первое представленіе къ святѣйшему Іерусалимскому патріарху, имѣвшему тогда Константинополь мѣстомъ своего жительства.

„Вошедши въ келію патріарха (Іерусалимскаго), я помолился по обычаю русскому. Маститый святитель сошелъ на полъ съ низменнаго дивана, на которомъ онъ сидѣлъ въ углу келіи. Я поклонился ему до лица земли и поцѣловалъ его десницу, благословившую меня во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сердце мое билось сильно; опять овладѣла мною робость; я заплатилъ ею дань воспитанію въ страхѣ Божіемъ и въ притрепетномъ повиновеніи и послушаніи святительской власти. Не скрою и того, что меня смущала тайна моего посольства. Тяжело было для меня закрываться личиною предъ человѣкомъ Божіимъ и священнымъ старцемъ; при взглядѣ на него больно было думать, что я, малый отрокъ предъ нимъ, долженъ быть соглядатаемъ управленія его и судіею. Казалось мнѣ, что лицо его выражало нѣкую скорбь. Его блаженство просилъ меня сѣсть и сказалъ, что онъ давно ожидаетъ меня. Эти слова его уничтожили меня; но вдругъ я одушевился и началъ говорить по-гречески.

„Благодарю Бога моего (при этихъ словахъ я невольно поднялъ руку къ небу), что Онъ удостоилъ меня видѣть Ваше

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

блаженство и принять ваше архипастырское благословеніе. Митрополиты, архіепископы и епископы, которыхъ я видѣлъ въ Петербургѣ и на пути въ Одессу, поручили мнѣ сказать Вашему блаженству, что они просятъ вашихъ св. молитвъ предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ".

Тутъ патріархъ и находившійся здѣсь епископъ Ѳаворскій (Іероѳей) прервали мою рѣчь и единогласно сказали, что они не перестаютъ вспоминать въ молитвахъ своихъ и пастырей церкви россійской, и Благочестиваго Государя нашего, и весь державный домъ Его.

Я продолжалъ вовсе неприготовленную рѣчь свою: „Всѣ іерархи россійской церкви и прочіе пастыри и учители твердо помнятъ, что свѣтъ истинной вѣры возсіялъ намъ изъ гроба Господня. Духовное, молитвенное общеніе нашей церкви съ четырьмя восточными православными церквами никогда не прерывалось. Вѣдомо вамъ, что всѣ святѣйшіе четверопрестольные патріархи, усопшіе и живые, воспоминаются нами въ молитвахъ".

Преосвященный Іероѳей опять прервалъ меня и сказалъ отъ лица патріарха и цѣлой Іерусалимской церкви:

„Его блаженство и всѣ мы радуемся, что Господь видимо благословляетъ церковь и Державу Россійскую и что православная вѣра распространяется".

Затѣмъ архимандритъ Порфирій говорилъ объ общемъ состояніи русской православной церкви, о числѣ православныхъ вѣрующихъ въ предѣлахъ русской державы, о пріобрѣтеніи русскою церковью многихъ новыхъ членовъ и о числѣ монаховъ и монахинь.

Посѣщеніе архимандритомъ Порфиріемъ вселенскаго Константинопольскаго патріарха не представляетъ ничего особеннаго. Тѣмъ не менѣе, содержаніе своего разговора съ патріархомъ по вопросу о желательномъ единеніи церквей онъ излагаетъ въ своемъ „Дневникѣ" вообще довольно подробно. Между прочимъ онъ упоминаетъ здѣсь о чрезвычайно простой обстановкѣ пріемныхъ комнатъ патріарха, убранныхъ турецкими циновками, простыми низенькими диванами и нѣсколькими стульями, повидимому, очень простой и неизысканной работы.

Гораздо полнѣе и интереснѣе описано архимандритомъ Порфиріемъ представленіе его къ бывшему патріарху Константинопольскому, Констанцію, жившему тогда близъ Константинополя, на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, именно на Антигонѣ.

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

Вотъ подлинныя объ этомъ посѣщеніи слова архимандрита Порфирія.

„Патріархъ Констанцій живетъ здѣсь (на островѣ Антигонѣ) въ собственномъ домѣ. Розы, георжини, туберозы и другіе цвѣты виднѣлись въ небольшомъ саду, прилегающемъ къ самому дому. Вотъ какъ поживаютъ здѣсь патріархи,—среди розъ! А сами? Ну ужъ такъ и быть, согрѣшу, сравню ихъ съ крапивою или съ терномъ и волчцами.

„Патріархъ встрѣтилъ и принялъ меня въ залѣ. Лицо его весьма благообразно, бѣло и проникнуто румянцемъ; борода у него окладистая, жемчужная. Онъ говоритъ по-русски довольно хорошо, потому что жилъ долго въ Россіи, въ Кіевѣ. Пріемы его обнаруживаютъ самоуваженіе, а можетъ быть и гордость. Но вотъ странность! Патріархъ почти непрестанно хохочетъ весьма громко и даже непристойно. Разговоръ нашъ касался состоянія православной церкви на Востокѣ... Когда я спросилъ его, есть ли надежда, что Синайская обитель можетъ разлить свѣтъ вѣры Христовой, по крайней мѣрѣ, между сосѣдними племенами; то онъ сперва захохоталъ и потомъ отвѣчалъ, что въ Турціи намъ запрещено и невозможно обращать подданныхъ султана въ христіанство, и прибавилъ, что даже приписанные къ монастырю арабы остаются въ магометанствѣ. Тонъ, какимъ говорилъ патріархъ со мною объ этомъ предметѣ, ужасно не понравился мнѣ, и я, чтобы смирить его, началъ говорить, что прозрѣніе въ будущность не обѣщаетъ ничего отраднаго; что едва-ли не постигнетъ церковь восточную та же трагическая судьба, какая постигла Византійскую имперію. Я хотѣлъ распространить эту мысль, порывался нѣсколько разъ говорить, что есть печальное сходство между церковью и имперіей, что имперія сперва гибла въ периферіи, потомъ въ центрѣ; не то же ли можетъ случиться и съ православною церковью? Но патріархъ не давалъ мнѣ говорить; непрестанно прерывалъ мою рѣчь то хохотомъ, то своими словами, которыхъ я не помню отъ досады. Замѣтивъ, что ему непріятно такое напоминаніе, я замолчалъ.. Я хотѣлъ подолѣе посидѣть и поговорить съ патріархомъ, но онъ, подъ предлогомъ усиленнаго вѣтра, высылалъ меня изъ комнаты и спроваживалъ на Халки, гдѣ и переночевать совѣтовалъ. Это взбѣсило меня, и я простился съ нимъ недовольный“.

Не болѣе благопріятенъ отзывъ и о всемъ греческомъ духовенствѣ, какой даетъ архимандритъ Порфирій за время своего пребыванія въ Константинополѣ, опираясь въ этомъ отношеніи

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

главнымъ образомъ на мнѣніе протоіерея Икономоса, высказанное имъ, повидимому, съ очень тяжелою болью въ сердцѣ, но и съ самой полной искренностію, столько свойственной его высокому сердцу и его необыкновенно широкому взгляду на все и пониманію.

„Сѣдой старецъ, пишетъ архимандритъ Порфирій, обрадовался моему посѣщенію. Мы усѣлись вдвоемъ и ровно четыре часа бесѣдовали съ уха на ухо на французскомъ языкѣ, дабы никто не могъ подслушать и понять насъ. Сначала я просилъ его дать мнѣ понятіе о настоящемъ состояніи греческой церкви. Ничего отраднаго не слышалось изъ устъ его. По словамъ его, духовенство невѣжественно и безсильно: въ Синодѣ нѣтъ постоянныхъ, пожизненныхъ членовъ, какъ въ Россіи; иновѣрное правительство по своимъ видамъ ежегодно назначаетъ разныхъ епископовъ для присутствованія въ семъ высшемъ духовномъ судилищѣ; эти епископы, по выраженію Икономоса, sont tous misérables; предъ правительствомъ они безгласны, какъ рыбы“.

„Греческій народъ, говорилъ съ прискорбіемъ и воздыханіемъ мудрый старецъ, я называю: Θεοποίμαντος Богоправимымъ“.

На своемъ продолжительномъ пути къ Св. Землѣ архимандритъ Порфирій не оставлялъ безъ своего посѣщенія и осмотра ни одного, кажется, православнаго храма, ни одной святыни, чѣмъ-либо достопримѣчательной въ историческомъ отношеніи, спеціально археологическомъ или обще-научномъ. Усердно посѣщалъ онъ всѣ болѣе значительные православные храмы и въ самомъ Константинополѣ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь въ это время главнымъ образомъ на томъ, что представлялось ему въ этихъ храмахъ болѣе новымъ, своеобразнымъ, не принятымъ пока къ примѣненію въ нашихъ русскихъ храмахъ. Посѣтилъ онъ въ это время и патріаршую Константинопольскую церковь во имя Святаго Георгія. И вотъ то немногое, что онъ записалъ потомъ въ „Книгѣ своего бытія“ по поводу того, что онъ здѣсь слышалъ и видѣлъ.

Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ патріаршей церкви во имя Святаго Георгія устроены по сторонамъ простыя сѣдалища для богомольцевъ и хоры съ густыми рѣшетками для женскаго пола. При видѣ этихъ сѣдалищъ и хоръ мнѣ стало досадно, что въ Россіи вывели ихъ изъ употребленія въ храмахъ. Богослуженіе христіанское требуетъ извѣстной чистоты сердца и

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

цѣломудрія, посему необходимо должно скрывать въ церквахъ женскій полъ отъ похотливыхъ взоровъ мущинъ, особенно въ наше время, когда по слабости или недостатку вѣры и страха Божія люди готовы грѣшить и въ самомъ святилищѣ Господнемъ. Во храмѣ мы таинственно изображаемъ собою херувимовъ, слѣдовательно, должны устремлять всѣ свои мысли и чувствованія къ единому Богу и Господу нашему Іисусу Христу. Но наша плоть такъ немощна; не надобно же подавать ей случая къ поползновенію и искушеніямъ отъ близкой наглядности на женскую прелесть. Надобно предохранять и слабый полъ отъ подобныхъ искушеній. Богослуженіе наше приспособлено къ сидѣнью: зачѣмъ же стоять въ церкви? И не спокойнѣе ли слушать проповѣдь сидя, нежели стоя?

Въ Константинополѣ архимандритъ Порфирій пробылъ около трехъ съ половиною недѣль, съ 22 сентября по 15 октября 1843 года. Здѣсь, помимо чудныхъ красотъ южной природы и чарующе прелестнаго вида самаго города, расположившагося по мягкимъ отлогостямъ граціозныхъ горъ, живо привлекало къ себѣ архимандрита Порфирія и то совершенно новое для него общество, въ кругу котораго онъ теперь обращался и отъ котораго имѣлъ въ виду получить всѣ болѣе важныя и болѣе необходимыя ему въ предстоящемъ пути свѣдѣнія. Очень большое значеніе придавалъ онъ также и своему представленію къ мѣстнымъ восточнымъ патріархамъ, Константинопольскому и Іерусалимскому. Архимандриту Порфирію очень хотѣлось непосредственно услышать мнѣніе ихъ святѣйшествъ по нѣкоторымъ вопросамъ церковной жизни и церковнаго благочинія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истинному члену церкви, хотѣлось получить и ихъ святительское благословеніе. Не могли, конечно, не интересовать архимандрита Порфирія и многія православныя святыни этого города, столько помраченнаго теперь исламомъ, но когда-то проливавшаго истинный свѣтъ Христова ученія на самыя отдаленныя страны свѣта и народности. Здѣсь же, въ Константинополѣ, сличая свое близкое и родное съ чужимъ, онъ неожиданно натолкнулся, какъ мы это уже и видѣли, и на совершенно новую для него мысль о желательности нѣкоторыхъ измѣненій въ устройствѣ русскихъ православныхъ храмовъ и въ томъ положеніи, какое, по установившемуся обычаю, занимаютъ въ нихъ теперь молящіеся.

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

IV.

Отъ Константинополя до Іерусалима.

Около 15 числа октября архимандритъ Порфирій считалъ свою миссію въ Константинополѣ уже достаточно выполненной. Поэтому утромъ 15 октября, не теряя ни одного уже лишняго дня, онъ выѣхалъ изъ Константинополя въ Бейрутъ, въ главный городъ азіатско-турецкаго вилайета, лежавшій на пути его слѣдованія въ Святую землю. Затѣмъ изъ Бейрута онъ отправился прежде всего въ Дамаскъ, гдѣ ему предстояло ознакомиться съ положеніемъ православія въ одной изъ болѣе древнихъ его колыбелей. Пробывъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ Дамаску монастыряхъ около шестнадцати дней, онъ направился, наконецъ, и къ главной цѣли своего пути, къ Іерусалиму, куда давно уже влекли его всѣ лучшія его чувства и настроенности.

Путь, по которому приходилось теперь слѣдовать архимандриту Порфирію, былъ во многихъ отношеніяхъ очень тяжелъ и даже очень не безопасенъ. Нашему ученому изслѣдователю и его ближайшему спутнику, іеродіакону Григорію, приходилось двигаться отъ Бейрута до Дамаска и обратно отъ Дамаска, чрезъ Бальбекъ и Триполи, до Бейрута большею частію по недостаточно устроенному еще пути, по склонамъ и отлогостямъ покрытыхъ дикими зарослями горъ, по узкимъ и очень дикимъ иногда между горами ущельямъ, слабо освѣщаемымъ даже въ ясные дни, при полномъ блескѣ теплаго южнаго солнца. Притомъ же, ни одинъ на этомъ пути переѣздъ, хотя бы и самый незначительный, не могъ считаться для нашихъ путниковъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ безопаснымъ. На каждомъ шагу можно было ожидать здѣсь неожиданныхъ встрѣчъ и столкновеній съ самыми подозрительными и ненадежными людьми, готовыми на всякое недоброе дѣло. Безъ двухъ, трехъ, и иногда даже и безъ четырехъ проводниковъ нельзя было сдѣлать здѣсь, безъ большого для всѣхъ риска, даже и нѣсколькихъ верстъ пути,—такъ все было неустроено здѣсь и ненадежно. Не всегда удобны были для нашихъ путешественниковъ и мѣста ихъ остановокъ для отдыха въ пути и особенно для спокойнаго и укрѣпляющаго сна, столько необходимаго для всѣхъ послѣ длинныхъ и очень утомительныхъ иногда переѣздовъ. Совершенно полное для себя на этотъ предметъ удовлетвореніе находилъ архимандритъ Порфирій только въ нѣкото-

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

рыхъ попутныхъ монастыряхъ, съ хорошо устроенными въ нихъ кельями для проѣзжающихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ, а также и въ болѣе значительныхъ попутныхъ городахъ, гдѣ всегда почти удавалось устраиваться нашимъ путешественникамъ вообще довольно удобно.

Тѣмъ не менѣе, полная почти на Востокѣ неустроенность и отсутствіе достаточно удобныхъ помѣщеній для отдыха въ пути сдѣлали то, что архимандритъ Порфирій не могъ уже съ должною обстоятельностію и полнотой излагать въ своемъ „Дневникѣ" о томъ, что приходилось ему теперь видѣть и слышать. Тяжелый и тревожный путь въ продолженіе цѣлаго дня требовалъ полнаго для всѣхъ съ наступленіемъ ночи покоя, и потому какъ бы ни были разнообразны и цѣнны впечатлѣнія каждаго проведеннаго дня, ихъ приходилось касаться архимандриту Порфирію уже только вскользь, какъ бы мимоходомъ.

Очень можетъ быть, что и суровые Ливанъ и Антиливанъ, со всѣми лежащими по ихъ возвышенностямъ и склонамъ монастырями и селеніями, не производили уже на архимандрита Порфирія такого сильнаго и живого впечатлѣнія, какое производили на него когда-то живописное побережье Далмаціи или какъ только-что оставленные имъ пышный Константинополь и живописный Босфоръ съ его утопающими въ роскошныхъ садахъ берегами. Горы Ливана и Антиливана въ той своей части, гдѣ ихъ пересѣкалъ съ своимъ спутникомъ архимандритъ Порфирій, не были широко оживлены, какъ горы Далмаціи, живописно окаймляющей ихъ полосой моря, и потому, естественно, не могли и вызывать въ немъ настроеній и чувствъ, пережитыхъ когда-то архимандритомъ Порфиріемъ на болѣе живописномъ побережьи Далмаціи или, немного послѣ, на еще болѣе очаровательныхъ берегахъ Босфора.

Получаемыя теперь архимандритомъ Порфиріемъ впечатлѣнія отъ картинъ мѣстной горной природы и отъ перваго соприкосновенія съ своеобразными нравами и обычаями совершенно чуждыхъ ему народностей могли быть ослаблены нѣсколько и разнообразіемъ впечатлѣній, полученныхъ имъ отъ предметовъ совершенно другого характера, относившихся уже къ главной цѣли его настоящаго пути, къ кругу предметовъ его непосредственнаго изученія. Сюда главнымъ образомъ перенесены были теперь его всегда живыя въ отношеніи ко всему наблюденія и его глубокая и дѣятельная мысль, необыкновенно отзывчивая на все новое и живое. На этихъ предметахъ его непосредствен-

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

наго изученія по преимуществу сосредоточенъ былъ теперь и счастливый даръ его живого слова. Христіанскіе православные храмы, восточные мужскіе и женскіе монастыри, выдающагося типа дѣятели восточной церкви, болѣе вліятельные и болѣе значительные представители мѣстной церковной іерархіи, памятники древней христіанской святыни и старины, иногда совершенно заброшенные мѣстнымъ населеніемъ, — все это, какъ соприкасавшееся съ основными задачами и цѣлями его настоящаго пути, а въ извѣстной мѣрѣ и съ основнымъ призваніемъ всей его жизни,—все это по преимуществу интересовало теперь архимандрита Порфирія и составляло главный и живой предметъ его изученія. Поэтому, обо всемъ остальномъ, хотя бы также не лишенномъ извѣстнаго значенія и интереса, но не входящемъ ближайшимъ образомъ въ кругъ его обслѣдованія и изученія, онъ упоминаетъ теперь въ своемъ „дневникѣ" часто уже въ двухъ-трехъ словахъ, а иногда ограничивается и простымъ только названіемъ предметовъ, останавливавшихъ на себѣ почему-либо его вниманіе. Все это прекрасно можно видѣть уже и въ тѣхъ немногихъ словахъ, въ какихъ описанъ былъ архимандритомъ Порфиріемъ первый день его пути по азіатскому материку, отъ Бейрута до перваго отдыха на этомъ пути, до хана Хсейна. Вотъ подлинныя объ этомъ слова архимандрита Порфирія, внесенныя имъ въ его путевой дневникъ подъ 26 октября 1843 года.

„Вторникъ. Départ pour Damas. Выѣздъ изъ Бейрута въ 1 часъ пополудни. Cortège: Мострасъ, албанецъ, да насъ четверо. Прощаніе. Столѣтники. Песокъ. Ручеекъ горный. Шелковицы и фиги. Подымаемся на горы. Почта. Встрѣча съ пашею Хассаномъ бейрутскимъ и дамасскимъ. Его свита — арабчикъ на креслахъ съ чайникомъ или водоносомъ. Каменный дождь. Козья дорога; взглядъ на Бейрутъ, подобно Лотовой женѣ. Море подымается за нами. Monts croissants sans cesse. (Постепенно возвышающіяся горы). Маронитскія деревни. Дома безъ оконъ. Сады масличные и фиговые. Террасы. Плугъ Адама. Отдыхъ въ 4 часа и т. д. Т. 1, стр. 215.

Очень кратко и большею частію въ нѣсколькихъ лишь словахъ описаны въ этой части дневника и всѣ турецкіе города, какіе лежали на пути слѣдованія архимандрита Порфирія въ Святую землю. Вотъ, напримѣръ, то немногое, что онъ призналъ необходимымъ отмѣтить въ 1 томѣ своего дневника на 294 страницѣ объ одномъ изъ такихъ городовъ, лежащемъ на самомъ берегу моря.

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

„Триполи издали казался полосою или, лучше, косою, далеко выдавшеюся въ море. Но по приближеніи оказалось, что выдалась въ море только такъ называемая Скала, подлѣ которой и корабли становятся, а самый городъ прислоненъ къ горѣ и отдѣляется отъ моря садомъ. Предмѣстіе города. Сады. Въѣздъ въ городъ. Глинистый потокъ такъ и реветъ среди города. Въ 4 часа пополудни мы въ метрополіи.

Свиданіе съ преосвященнымъ Іоанникіемъ. Ужинъ рыбный. Ночлегъ. Дождь ночью. Каплетъ въ комнатѣ".

Столько же кратко описанъ былъ епископомъ Порфиріемъ, подъ 4 декабря 1843 года, и главный городъ азіатско-турецкаго вилайета Сиріи, Бейрутъ, съ его живописными окрестностями, отрогами Ливанскихъ горъ. Вотъ подлинныя слова архимандрита Порфирія объ этомъ городѣ и окружающихъ его горныхъ высотахъ.

„За скалою море вливалось въ горный берегъ почти полукружіемъ. Бейрутъ съ своими зелеными садами красовался на возвышенности, далеко вдвинутый въ море, такъ что она заслоняла собою воды его. Подлѣ самаго берега морского мы поспѣшили въ городъ, въ желанное мѣсто покоя послѣ столькихъ трудовъ, лишеній и даже умственныхъ, душевныхъ наслажденій. Видъ Ливанскихъ горъ здѣсь пріятенъ. Почти на каждой вершинѣ стоитъ или деревня, или церковь, или монастырь; холмы обработаны; тамъ распаханы террасы; тамъ зеленѣютъ масличія. На одномъ изъ послѣднихъ холмовъ мнѣ указывали монастырь, въ которомъ жила знаменитая богомольемъ и распутствомъ Гендіе". Объ этой знаменитой настоятельницѣ одного изъ католическихъ женскихъ монастырей будетъ еще сказано здѣсь нѣсколько ниже.

Съ нѣсколько большимъ вниманіемъ остановился архимандритъ Порфирій въ своемъ путевомъ „дневникѣ" на протекающей около Бейрута необыкновенно бурной рѣкѣ Наръ-ел-Кельбъ, а также и на развалинахъ стараго водопровода, устроеннаго когда-то на одномъ изъ скалистыхъ береговъ этой рѣки и теперь пришедшаго уже въ полную ветхость. Но и здѣсь многое изложено только въ общихъ чертахъ и какъ бы даже нѣсколько не договорено, не закончено.

„Направляясь къ Бейруту, пишетъ архимандритъ Порфирій подъ 4 декабря 1843 года, мы приблизились къ рѣкѣ Наръ-ел-Кельбъ (Σκυλοπόταμος = собачья рѣка). Подлинно соотвѣтствуетъ она своему названію: рвется, какъ цѣпная собака, кружится, бѣжитъ впередъ и назадъ и въ стороны, мечется, кидается, шумитъ, урчитъ. Невозможно было переправиться чрезъ нее

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

ни при впаденіи ея въ море, ни повыше. Надлежало слѣзть съ лошадей и переправиться черезъ мостъ. Тутъ я увидѣлъ величественную картину природы. По обѣимъ сторонамъ рѣки двѣ огромнѣйшія, высокія каменныя обнаженныя горы, какъ отвѣсныя стѣны, стоятъ и смотрятъ другъ на друга. По лѣвой горѣ, на извѣстномъ возвышеніи, за мостомъ, устроены водопроводы. Изъ этой горы каскадами выливается вода. Древле она протекала по водопроводу, вѣроятно, къ мельницѣ, а теперь, по ветхости его, просачивается повсюду и льется по стѣнѣ горной, но льется съ шумомъ. За мостомъ видны каменные, кажется, кирпичные столбы или пилястры съ арками, и надъ ними-то струится вода и по нимъ стекаетъ въ рѣку. Усталость и нетерпѣливое желаніе пріѣхать засвѣтло въ Бейрутъ отняли у меня охоту заняться разсмотрѣніемъ этого водопровода.

Съ нѣсколько большими подробностями и въ болѣе соотвѣтствующихъ краскахъ и тонахъ описана архимандритомъ Порфиріемъ очень гордая и величественная мѣстность у Сайданайскаго женскаго монастыря, близъ Дамаска. Это объясняется, можетъ быть, исключительно живописной красотой этой мѣстности, по преимуществу приковавшей къ себѣ вниманіе такого отзывчиваго любителя природы, какимъ всегда былъ нашъ ученый изслѣдователь. Но можетъ быть болѣе подробное описаніе этой мѣстности и лежащаго на одной изъ ея горныхъ возвышенностей женскаго монастыря явилось естественнымъ слѣдствіемъ и тѣхъ болѣе спокойныхъ сравнительно и пріятныхъ дней, какіе во время этого безпокойнаго пути именно здѣсь проведены были архимандритомъ Порфиріемъ, столько нуждавшимся въ это время въ полномъ и тихомъ покоѣ.

„Обитель сія, пишетъ онъ на 251—254 страницахъ своего „дневника“, построена на дикой, высокой, уединенной цѣльной скалѣ, какъ бы вынырнувшей изъ бездны. Скала эта не ровна въ бокахъ, ноздревата и образована въ видѣ наплывовъ, какъ будто каменная жидкость кипѣла бѣлымъ ключемъ и вдругъ огустѣла. По краямъ этой скалы построены высокія каменныя стѣны изъ мѣстныхъ бѣлыхъ твердо хрящеватыхъ камней тесаныхъ, большихъ внизу и меньшихъ кверху. Большіе камни имѣютъ видъ параллелепипедовъ, а меньшіе квадратовъ. Всѣ эти камни складены безъ извести и цемента въ стѣнахъ, а внутри въ келіяхъ на извести. Въ стѣнахъ южной и сѣверной устроены ворота очень малыя и узкія.

Окрестное мѣстоположеніе монастыря очень живописно... Поднимите здѣсь вашъ взоръ къ горизонту, вамъ представится

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

огромнѣйшая покрытая снѣгомъ гора. Величавъ ея видъ. Этс настоящій символъ убѣленнаго сѣдинами старца, но сохраняющаго крѣпость силъ и свидѣтеля многихъ событій, бурь, бѣдствій, дней ясныхъ и радостей. Второй и третій холмы поражаютъ одной дикостью своею. Четвертый сливается съ массою огромнѣйшей полукруглой горы, которая, какъ вѣнецъ, огибаетъ монастырь съ сѣвера на востокъ и, спускаясь въ поле тремя отпрысками, оканчивается дикимъ, плѣшивымъ, каменнымъ холмомъ, въ которомъ есть отверстіе, ведущее въ пещеру, вмѣщающую въ себѣ до 400 овецъ или козъ въ зимнее время".

Неособенно обширными оказываются также и всѣ характеристики духовныхъ лицъ, съ которыми приходилось встрѣчаться на этомъ пути и долго говорить архимандриту Порфирію. Вотъ что пишетъ онъ, между прочимъ, о селевкійскомъ митрополитѣ Іоаковѣ, личности во многихъ отношеніяхъ очень интересной, занимательной и, нѣтъ сомнѣнія, очень типичной для представителей на Востокѣ высшей церковной іерархіи.

„Послѣ завтрака посѣтилъ меня селевкійскій митрополитъ Іаковъ. Узнавъ, что я изъ Россіи, онъ спросилъ меня, умѣю ли я говорить по-русски? Оказалось, что у него нѣтъ монастырей и имѣній. Онъ не знаетъ числа домовъ и душъ православныхъ христіанъ въ своей епархіи. Равнодушно говорилъ, что христіане православные его епархіи принимаютъ турецкую вѣру; что недавно изъ деревни, находящейся подлѣ женской обители, одна крестьянка доброликая, разссорившись съ своимъ мужемъ, потурчилась и скрылась въ Дамаскѣ и что лишь стараніями патріарха она возвращена была въ вѣру православную и въ деревню".

„Митрополитъ Іаковъ изъ туземныхъ арабовъ — черной крови. Мало говоритъ по-гречески. Совершенный невѣжда— бедуинъ; отъ него пахнетъ тиною; руки его необычайно черны. Съ нимъ были у меня два священника-араба. Въ деревнѣ митрополичьей есть уніаты. Унія вторглась сюда лѣтъ за 80, и церковь отнята у православныхъ лѣтъ за 50. Такимъ образомъ митрополитъ остается безъ церкви. Онъ даже не умѣлъ разсказать о началѣ уніи. Старый священникъ, служившій сегодня обѣдню, помогъ ему. Патріархъ виноватъ, — есть люди... да невѣждъ дѣлаютъ епископами... При такихъ безпорядкахъ погибаетъ православіе [1]).

[1]) Преосвященный селевкійскій Іаковъ былъ игуменомъ монастыря пророка Иліи и дурнымъ. Чтобы избавиться отъ него, сдѣлали его архіереемъ.

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

Къ этимъ грустнымъ словамъ архимандрита Порфирія, въ которыхъ слышится какъ бы опасеніе его за дальнѣйшее положеніе православія въ Святой землѣ, нельзя не отнестись иначе, какъ только съ самымъ полнымъ и живымъ вниманіемъ и съ такимъ же именно чувствомъ грусти, съ какимъ они выражены были и самимъ архимандритомъ Порфиріемъ въ „Книгѣ его бытія".

Очень интересно сообщеніе архимандрита Порфирія и о томъ, какъ и при какой обстановкѣ совершалось этимъ митрополитомъ церковное богослуженіе.

„8 ноября 1843 года, въ понедѣльникъ, въ 7 часовъ утра, митрополитъ селевкійскій служилъ литургію въ церкви Сайданайскаго женскаго монастыря съ 4 священниками безъ діакона, безъ митры, въ обыкновенной камилавкѣ, въ которой онъ ходитъ на вѣтеръ. На немъ была панагія. Мужикъ въ саккосѣ! Босые, полунагіе мальчики прислуживали ему; о. архимандритъ Агафангелъ въ буркѣ дорожной и въ епитрахили читалъ евангеліе. Послѣ литургіи, пишетъ далѣе архимандритъ Порфирій, я принялъ благословеніе митрополита въ алтарѣ, потомъ помолился въ часовенкѣ предъ таинственнымъ окномъ, предъ которымъ на полу, на мраморѣ, замѣтилъ арабскую надпись. Не при мнѣ писана!

Не заключается также ничего особенно благопріятнаго и въ отзывахъ архимандрита Порфирія о томъ, какъ относятся на Востокѣ высшія духовныя власти къ низшимъ чинамъ духовенства и монашествующей братіи. Вотъ что пишетъ онъ, между прочимъ, объ отношеніи Дамасскаго (Антіохійскаго) патріарха къ находящемуся въ его патріархатѣ Белемендскому мужскому монастырю, не располагавшему большими матеріальными средствами.

„2 декабря, утромъ, монахи Белемендскаго монастыря, лежащаго на склонѣ послѣдняго хребта Ливана, просили, подъ проклятіемъ, о. Григорія сказать мнѣ, что они чрезвычайно обижены патріархомъ и что они всѣ убѣгутъ въ маронитскую главную обитель Св. Антонія (католическую), если не будетъ улучшено ихъ состояніе. Патріархъ забираетъ изъ монастыря полотенца, салфетки и деньги будто на сохраненіе. Монастырь имѣетъ дохода до 120—130 тысячъ піастровъ (до 12.000—13.000 руб.); но на монаховъ и прочія нужды расходуется отъ 20 до 30 тысячъ піастровъ (2.000—3.000 рублей). Епитропъ, бывшій съ нами, упрашивалъ ихъ потерпѣть и обѣщался самъ ѣхать въ Дамаскъ ходатайствовать за нихъ, чтобы опять воз-

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY

становлено было ученіе ихъ (?), улучшена трапеза и проч.; иначе онъ откажется отъ епитропства по расчетѣ съ патріархомъ. Патріархъ смѣлыхъ монаховъ вызываетъ въ Дамаскъ и болѣе не возвращаетъ ихъ, а разсылаетъ въ разные монастыри.

Не лучше своихъ владыкъ были здѣсь очень многіе и изъ рядовыхъ членовъ церковнаго клира—священники, діаконы, а также и сами міряне. Особенную склонность обнаруживали духовныя лица къ любостяжанію, къ деньгамъ и всякаго рода матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ. За большее или меньшее матеріальное вознагражденіе они готовы были совершать нерѣдко совершенно противозаконныя надъ разными лицами требы, какъ напримѣръ елеосвященіе надъ совершенно здоровыми людьми и т. п.

„По разсказу о. Григорія, ближайшаго спутника архимандрита Порфирія на отдаленномъ его пути въ Святую землю, въ воскресенье, 19 декабря 1843 года, послѣ утрени предъ обѣдней совершено было въ Яффѣ, въ церкви Іерусалимскаго мужского монастыря, елеосвященіе для народа. „Попы громогласно приглашали предстоящихъ къ участію въ таинствѣ. По совершеніи онаго началась литургія среди церкви, а игуменъ во всю обѣдню мазалъ православныхъ и собиралъ деньги. Тутъ происходилъ въ церкви шумъ, крикъ, толкотня. Несносно корыстолюбіе греческихъ монаховъ. По этой страсти они совершаютъ елеосвященіе для здоровыхъ, несмотря на то, что оно установлено для больныхъ“.

Очень своеобразна и во многихъ отношеніяхъ далеко не лестна для восточныхъ христіанъ вообще и та краткая характеристика, какую даетъ архимандритъ Порфирій въ своемъ „Дневникѣ“ триполійскимъ христіанамъ, пришедшимъ посмотрѣть на русскаго ученаго археолога, когда онъ находился въ Триполи, и получить его благословеніе.

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google Original from INDIANA UNIVERSITY